

ЧЕРНИГОВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЧАСТЬ РОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Выходятъ два раза въ мѣсяць.

Годовая цѣна 4 р. 50 к. съ пересылкою.

№ 20.

Подписка принимается въ редакціи „Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстій“, въ зданіи Черниговской Духовной Семинаріи.

15 Октября (годъ ХХVII). 1887 года.

Содержаніе: I. Высочайшія награды.—II. Распоряженія Высшаго Правительства.—III. Разныя извѣстія.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу думы знака отличія безпорочной службы, послѣдовавшему въ слѣдствіе представленія товарища Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, Всемиловѣйше соизволилъ пожаловать въ 22 день августа 1887 года таковыя знаки слѣдующимъ лицамъ: секретарю Черниговской духовной консисторіи коллежскому совѣтнику Ивану *Забирову*—XL-лѣтняго достоинства и столоничальнику Черниговской духовной консисторіи, кол-

лежскому ассесору Алексею *Миткевичу* — I. лѣтнаго достоинства.

I. РАСПОРЯЖЕНІЯ ВЫСШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА.

Отъ 24 августа—3 сентября 1887 года, за № 138, объ ассигнованіи кредитовъ на трехлѣтіе съ 1887 г. по смѣтамъ земскихъ повинностей въ пособіе церковно-приходскимъ школамъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленный предсѣдателемъ Училищнаго при Святѣйшемъ Синодѣ Совѣта 22 августа текущаго года, за № 431, журналъ Совѣта, № 101, съ заключеніемъ онаго по сообщенію товарища министра финансовъ объ ассигнованіи кредитовъ на трехлѣтіе съ 1887 года по смѣтамъ земскихъ повинностей въ пособіе церковно-приходскимъ школамъ тѣхъ губерній Европейской Россіи, въ коихъ не введены земскія учрежденія, а также по Сибири. Товарищъ министра финансовъ 14 іюля 1887 года, за № 1082, увѣдомилъ г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, что въ Высочайше утвержденныхъ 9 іюня сего года смѣтахъ земскихъ повинностей на трехлѣтіе съ 1887 г. въ губерніяхъ, въ которыя не введены земскія учрежденія, а также по Сибири, назначены слѣдующіе кредиты на пособіе церковно-приходскимъ школамъ.

по губерніямъ астраханской, виленской, витебской, волынской, гродненской, кievской, ковенской, минской, могилевской, оренбургской, подольской, ставропольской, тобольской, томской и по Забайкальской области — по 10,000 рублей на каждую губернію и область; по губерніямъ иркутской и енисейской по 5,000 рублей, и по архангельской губерніи 2,000 рублей. Училищный при Святѣйшемъ Синодѣ Совѣтъ, обсудивъ означенное сообщеніе товарища министра финансовъ, полагаетъ: 1) о назначенныхъ по Высочайше утвержденнымъ 9 іюня сего года смѣтамъ земскихъ повинностей на трехлѣтіе съ 1887 года кредитахъ на пособіе церковно-приходскимъ школамъ въ губерніяхъ Европейской Россіи, въ коихъ не введены земскія учрежденія, а также по Сибири, увѣдомить епархіальныхъ преосвященныхъ, по принадлежности; 2) означенные въ отношеніи товарища министра финансовъ кредиты предоставить епархіальнымъ училищнымъ совѣтамъ расходовать, съ утвержденія епархіальныхъ преосвященныхъ, а) на устройство школьныхъ зданій, б) на приобрѣтеніе учебныхъ руководствъ и пособій и книгъ для внѣкласснаго чтенія учащихъ въ церковно-приходскихъ школахъ, и в) на жалованье законоучителямъ и учителямъ двухклассныхъ и одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ и на награды наиболее ревностнымъ изъ сихъ лицъ, и 3) порядокъ требованія изъ мѣстныхъ казначействъ и расходованія по своему назначенію ассигнованныхъ кредитовъ, а также по-

рядомъ представленія отчетности въ сихъ суммахъ разъяснить енархіальнымъ училищнымъ совѣтамъ по предварительномъ соглашеніи Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ съ департаментомъ государственнаго казначейства. При ка за ли: Утвердить заключеніе Училищнаго при Святѣйшемъ Синодѣ Совѣта по сообщенію товарища министра финансовъ объ ассигнованіи кредитовъ на трехлѣтіе съ 1887 года по смѣтамъ земскихъ повинностей въ пособіе церковно-приходскимъ школамъ тѣхъ губерній Европейской Россіи, въ коихъ не введены земскія учрежденія, а также по Сибири, и поручить Совѣту привести таковое заключеніе свое въ исполненіе.

III. РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Распредѣленіе между лекторами очередей для внѣбогослужебныхъ чтеній съ 1 октября 1887 года по 1 января 1888 года.

1 октября (четвергъ, Покровъ Пресвятыя Богородицы)— читаютъ протоіерей Буримовъ и священникъ Трифонъ Стефановскій.

4 октября (воскресеніе)— священникъ І. Платоновъ и священникъ Тр. Стефановскій.

11 октября (воскресеніе)— священникъ Макарій Смѣльницкій и священникъ Василій Миславскій.

18 октября (воскресеніе)—протоіерей Стефанъ Шугаевскій и священникъ Макарій Смѣльницкій.

22 октября (четвергъ, Казанской иконы Богоматери)—Д. Покровский—объясненіе чтенія апостола и священ. Н. Смирновъ.

25 октября (воскресеніе)—священ. В. Митькевичъ и свящ. Платоновъ.

1 ноября (воскресеніе)—священникъ Андрей Виницкій и священ. А. Случевскій.

8 ноября (воскресеніе, Архистратига Михаила)—А. Вишневскій и свящ. П. Соколовъ.

15 ноября (воскресеніе)—свящ. П. Соколовъ и свящ. А. Случевскій.

22 ноября (воскресеніе)—Николай Славинъ и протоіерей Григорій Діаконовъ.

29 ноября (воскресеніе)—протоіерей Стефанъ Шугаевскій и священ. Василій Миславскій.

6 декабря (воскресеніе)—священникъ В. Митькевичъ Н. Смирновъ.

13 декабря (воскресеніе)—священникъ Андрей Виницкій и протоіерей Θ. Ладухинъ.

20 декабря (воскресеніе)—преподаватель семинаріи Валеріанъ Острогорскій и протоіерей Буримовъ.

Журналь Черниговскаго епархіальнаго училищнаго совѣта.

1887 года сентября 11 дня—подъ предѣдательствомъ преосвященнаго Аѳанасія епископа Новгородсѣверскаго участвовали въ засѣданіи совѣта всѣ члены.

1. Слушали: репортъ попечителя приходскаго попечительства и настоятеля Воскресенской цевкви города Чернигова, коимъ, донося объ увольненіи учительницы ихъ приходской школы Наталіи Березовской, просятъ опредѣлить въ должность учительницы въ ихъ школу Ульяну Тимошокъ бывшую до сего времени четыре года учительницею земской школы с. Калиты Остерскаго уѣзда, которая, нынѣ заявляя о своемъ желаніи быть учительницею Воскресенской школы представила свидѣтельство какъ о знаніи предметовъ пѣнія, такъ и объ умѣніи устроить хоръ и руководить имъ. Постановили: согласно желанію членовъ приходскаго попечительства и принимая во вниманіе правоспособность Ульяны Тимошокъ какъ по предметному преподаванію, такъ и по руководству хоромъ, опредѣлить Тимошокъ учительницею приходской школы при Воскресенской церкви города Чернигова, а бывшую учительницу Березовскую уволить отъ должности и просимые ею документы возвратить.

2. Слушали: прошеніе окончившей курсъ Черниговской женской гимназіи Евфросиніи Кралевецъ о томъ, что она желаетъ быть учительницею Воскресенской

школы города Чернигова. Постановили: за опредѣленіемъ на такую должность Ульяны Тимошокъ, просьбу Евфросиніи Кролевецъ оставить безъ послѣдствій, и документы возвратить ей чрезъ протоіерея Ладухина.

3. Слушали: прошеніе діакона Воскресенской церкви города Чернигова Левтринскаго о желаніи его быть учителемъ тойже Воскресенской школы. Постановили: вполнѣ одобряя желаніе діакона занять должность учителя при названной церкви, предоставить ему возможность практиковаться въ преподаваніи закона Божія въ означенной школѣ подъ наблюденіемъ и руководствомъ протоіерея Ладухина.

4. Слушали: репортъ протоіерея Новгородсѣверской соборной Успенской церкви, коимъ просить совѣтъ ассигновать нѣкоторую сумму денегъ на наемъ учительницы въ школу при означенной церкви по тому уваженію, что мѣстный неаломщикъ хотя занимается въ той школѣ, но можетъ преподавать только чтеніе по славянски и чистописаніе, и что по этой причинѣ необходимо пріискать лице правоспособное къ занятію должности учителя. Постановили: на наемъ учителя ассигновать изъ суммъ совѣта 60 рублей, которыя и отослать въ распоряженіе протоіерея Павла Флерова настоятеля соборной церкви.

5. Слушали: репортъ священника села Казацкаго Коземецкаго уѣзда, коимъ донося, что его прихожане

жители дер. Бѣлоцерковцовъ, желая имѣть у себя школу грамотности, пригласили къ себѣ въ качествѣ учителя нѣкоего Якова Адрианова—человѣка ему священнику неизвѣстнаго и неправопособнаго къ занятію должности учителя, просятъ разрѣшить его недомѣнѣ допускать ли сказанное лице къ занятію въ школѣ, или нѣтъ. Постановили: дать знать священнику Даниловскому, чтобы допустилъ означеннаго Адрианова къ занятію съ дѣтьми и слѣдилъ за его преподаваніемъ, а наблюдателю школѣ предписать, чтобы объявилъ Адрианову, что онъ Адриановъ можетъ заниматься съ дѣтьми подъ руководствомъ и наблюденіемъ приходскаго священника.

6. Слушали: репортъ благочиннаго 2-го округа Козелецкаго уѣзда, коимъ проситъ въ уваженіе многосложности его занятій по должности благочиннаго, освободить его отъ обязанности наблюдателя школѣ. Постановили: уволивъ просителя отъ должности наблюдателя школѣ, поручить таковую должность священнику села Ничеговки Петру Костенецкому.

На священническое мѣсто къ Николаевской церкви села Надиновки, Остерскаго уѣзда, 8 сентября, рукоположенъ во священника, діаконъ села Кунашовки, Нѣжинскаго уѣзда, Павелъ Васютинскій.

— На мѣсто умершаго благочиннаго священника Іоанна Николаевскаго, благочиннымъ 2 округа Старо-

дубскаго уѣзда, 23 сентября, опредѣленъ священникъ села Случевска, Іоаннъ Жигуновъ.

Въ Черниговской духовной консисторіи получены деньги: а) на улучшеніе быта православныхъ поблони-ковъ въ палестинѣ, отъ благочинныхъ: Іоанна Левицкаго 3 р. 41 к., Іоанна Жигунова 1 р. 84 к., Васи-лія Свяцкаго 3 р., Николая Добрянскаго 2 р., Петра Левицкаго 3 р., Стефана Рожалина 4 р., Григорія Левитскаго 3 р. 90 к., Павла Флерова 2 р. 27 к., Васи-лія Рєлицкаго 3 р. 70 к., Андрея Васильева 3 р. 70 к., Стефана Матусевича 4 р. 10 к., настоятельницы Каменскаго монастыря игуменіи Архелаи 50 к., отъ благочинныхъ: Александра Дмитревскаго 1 р., Іоанна Кочановскаго 5 р. 71 к., Θεодора Исаенко 5 р. 20 к. Николая Рознатовскаго 6 р., Даніила Сочавы 5 р. 29 к., Евтихія Бордоноса 3 р., Іоанна Спасскаго 1 р. 50 к., Стмеона Русановича 3 р., Іоанна Тарасевича 2 р. 60 к., Порфирія Красовскаго 5 р., Петра Цыган-кова 2 р., Михаила Діомидова 5 р., Андрея Случев-скаго 3 р. 75 к., Павла Булгакова 2 р. и настоятеля Климовскаго монастыря архимандрита Пафнутія 1 р.; б) въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія жите-лей города Вѣрнаго и селеній Семирѣченской области, отъ благочинныхъ: Стефана Чудновскаго 71 р. 9 к., Θεодора Исаенка 1 р., Петра Цыганкова 10 р. 10 к., Іоанна Бакуревича 3 р., Васи-лія Рєлицкаго 2 р., Іоанна Ремболовича 38 р., Михаила Діомидова 12 р.,

Іоанна Спасскаго 4 р., Григорія Крещановскаго 37 р. 32 к., отъ причтовъ съ церковными старостами: с. Великой-Топали 5 р., с. Могилевиць 2 р., м. Баклани 4 р., г. Погара Троицею церкви 3 р., с. Дегтяровка 7 р. и м. Кобыжчи Покровской церкви 5 р., отъ благочинныхъ: Андрея Случевского 34 р. 65 к., Николая Добрянскаго 16 р., Іоанна Жигунова 21 р. 15 к., Димитрія Θεодоровскаго 9 р. 25 к., Василя Рклицкаго 12 р. 30 к., Іоанна Левицкаго 41 р. 16 к., Θεодора Исаенко 10 р. 30 к., Сумеона Русановича 82 р. 60 к., Іоанна Обуховскаго 9 р. 61 к., Александра Булгакова 7 р. 15 к. и отъ причтовъ съ церковными старостами: г. Стародуба Богоявленской церкви 10 р., с. Левенки 3 р., с. Гарцова 9 р., сс. Медведово-Гаргачевки 3 р., с. Истобокъ 1 р., п. Клинцовъ единовѣрческой Вознесенской церкви 5 р., с. Хриповки 2 р., м. Новыхъ-Боровиць Успенской церкви 3 р., с. Хотивли 1 р. и отъ правленія Черниговскаго духовнаго училища 11 р. 70 к.

При рапортѣ священника с. Норина, Мглинскаго уѣзда, представлены 25 р., пожертвованные жителемъ деревни Зивакъ, Антономъ Григорьевымъ Молявкою, въ пользу Гроба Господня Іерусалимской церкви, при чемъ епархіальное начальство изъявляетъ Молявкѣ свою благодарность за его пожертвованіе.

Редакторъ, Протоіерей **І. Буримовъ.**

Печ. дозв.: Цензоръ, Каеедральный Протоіерей *Григорій Діаконовъ.* 11 октября 1887 года. Черниговъ. Типографія Губернскаго Правленія.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

ЧЕРНИГОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ИЗВѢСТІЯМЪ

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

КЪ № 20^м

15-го октября

(ГОДЪ XXVII).

1887 года.

Содержаніе: О духовномъ народномъ началѣ въ поэзіи Пушкина.—Краткій очеркъ жизни, дѣяній и ученія Господа нашего Исуса Христа.—Клевета на народъ въ современной литературѣ.—Рѣчь, надъ гробомъ архимандрита Виктора.—Некрологъ.—Рѣчь при погребеніи священника Шпаковского.—Разныя извѣстія.—Объявленія.

О духовномъ народномъ началѣ въ поэзіи Пушкина.

Рѣчь по случаю пятидесятилѣтія кончины Пушкина
1837—1887 г. г. 27 января.

Россия прожила уже полвѣка, полстолѣтія съ того несчастнаго дня, какъ закатилось солнце Русской поэзіи, озарившее жизнь чуднымъ, дотошъ невиданнымъ и доселѣ еще неповтореннымъ, блескомъ поэтическаго вдохновенія и творчества, отраженія котораго и теперь и еще долго цѣлыя вѣка будутъ освѣщать всю нашу духовную атмосѣру, какъ яркіе лучи лѣтняго солнца золотятъ небо, когда само свѣтило дня уже давно закатилось на западъ. Въ настоящій день пятьдесятъ лѣтъ назадъ, Русскій міръ неожиданно, негаданно поразила горестная вѣсть, что *первый* его поэтъ народный и вмѣстѣ величайшій міровой выразитель Русскаго

народнаго генія, во всей мощи своего поэтическаго развитія и творчества, на 37 году своей славной жизни, *страдальчески погибъ*, убитъ на злосчастномъ поединкѣ иноземцемъ: „не могъ шадить онъ нашей славы“. Увы! его страдальческая смерть была постыднымъ дѣломъ легкомысленной, но тѣмъ не менѣе злостной обиды людей, позорныя имена которыхъ доселѣ скрываются во мракѣ неизвѣстности, людей позорившихъ самую дорогую святыню любви и сердца поэта, не смогшаго стать выше этой низкой интриги, по свойству своего горячаго сердца и пламеннаго темперамента. Погибъ поэтъ, невольникъ чести, „наль, облеветанный молвой!..“ Не „христіанская, безболѣзненная, непостыдная и мирная копчина“, о которой для всѣхъ просить Владыку жизни и смерти православная церковь! Тѣмъ наипаче настоящее наше грустное *помяніе* кончины великаго страдальчески погибшаго должно возбуждать всенародную, умилительную молитву, единокупную молитву объ упокоеніи души его въ царствѣ вѣчнаго мира и небесной славы.

И поэтическая душа его, чуткая ко всему высокому и святому при жизни въ лучшія мгновенія вдохновеннаго творчества, была „святымъ, по выраженію самаго поэта, огнемъ палима, и тогда въ священномъ ужасѣ внималъ арфѣ Серафима поэтъ“; нынѣ, уповаемъ, отвергшая мракъ всѣхъ земныхъ суетъ, во свѣтѣ горнихъ сверъ особенно воспріимчива къ духовному общенію и „ранамъ совѣсти ея молитвъ благодуханныхъ церкви отраденъ будетъ чистый елей“.

Поэтическій талантъ, геній есть высшій даръ Божій. Поэтъ есть „небесъ избранникъ“, „божественный посланникъ“, несущій Божій даръ поэзіи на благо чело-вѣчества; поэтическое вдохновенное творчество—есть нѣкотораго рода священное служеніе.

Никто изъ величайшихъ міровыхъ поэтовъ всѣхъ народовъ не сознавалъ святости своего поэтическаго служенія и призванія поэта такъ, какъ великій поэтъ славянскаго племени—нашъ Пушкинъ. Прочтите его глубокое задушевное, написанное еще въ юношескіе годы, когда поэтъ по искреннему признанію, „въ часы забавъ, иль празднои скуки, бывало, лирѣ своей ввѣрялъ изнѣженные звуки безумства и страстей“, стихотвореніе подъ столь знаменательнымъ заглавіемъ: „Возрожденіе“.

Художникъ-варваръ, кистью сонной
Картину генія чернить,
И свой рисунокъ беззаконный
На ней безмысленно чертитъ.
Но краски чуждыя съ лѣтами
Спадаютъ ветхой чешуей—
Картина генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.
Такъ исчезаютъ сновидѣнья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ чистыхъ дней.

Послѣ этого духовнаго перерожденія и возрожденія, въ духѣ пережитаго поэтомъ, намъ понятна станетъ искренность и глубина исповѣданія имъ высокаго, даже религіознаго призванія поэта, какъ призванія священнаго въ человѣчествѣ, понятно что говоритъ поэтъ о себѣ:

„И лишь Божественный глаголь
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепетется,
Какъ пробудившійся орелъ“.

Намъ становится осязательно доступна вся превышающая умъ таинственная торжественность и торжественная тайна божественнаго вдохновенія, какъ приготовленія къ вдохновенному творчеству—этому священному служенію въ человѣчествѣ, какъ изобразилъ это поэтъ нашъ въ библейскомъ образѣ пророка—въ своемъ стихотвореніи „Пророкъ“, гдѣ глубина идеи—мысли, таинственность и вмѣстѣ осязательность образовъ (символовъ), библейская торжественность и вмѣстѣ совершенная простота и отъ этого соединенія—сила, мощь и выразительность рѣчи—достигаютъ несравненнаго совершенства, заканчиваясь этимъ божественнымъ гласомъ призванія поэта къ духовно-религіозному и нравственному подвигу обличенія и наученія человѣчества:

„Какъ трущъ въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
„Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли!
Исполнишь волею Моей!
И обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!..“

Въ сознаніи такого священнаго призванія на высокое служеніе глашатая воли Божьей человѣчеству, вдохновеннаго вѣщателя поэтическихъ глаголовъ, огнемъ которыхъ горитъ духъ самого поэта и зажигаетъ огни въ сердцахъ людскихъ, поэтъ нашъ съ негодованіемъ отвращается отъ низменно-житейскихъ интересовъ—которые служатъ дневнымъ утилитарнымъ цѣлямъ, изъ корыстныхъ побужденій, для чувственныхъ вождельній, волнующихъ тупыя чувства и страсти слѣпой и безумной людской толпы, и въ этой грязи и слѣпотѣ своей называемой поэтомъ „чернью тупою“—и прямо опредѣляетъ цѣль и предметъ своихъ див-

ныхъ пѣсень, какъ божественно сладкихъ звуковъ гармоніи, мира, любви, милости къ падшимъ, какъ молитвенныхъ славословій:

„Не для житейскаго волненья,

Не для корысти, не для битвъ,

Мы рождены для вдохновенья,

Для звуковъ сладкихъ и молитвъ!“

И мы вполне убѣждаемся, слѣдя за постепеннымъ развитіемъ изумительнаго генія нашего великаго народнаго поэта, что ближе и непосредственнѣе своимъ чувствомъ чуткимъ прикасаясь къ груди и сердцу народа, поэтъ зрѣлъ самъ во всю необъятную ширь и глубь народной души и совѣсти, укрѣплялся въ нравственной вѣрѣ и надеждѣ въ вѣчной истинности и неизблемой жизненности сердцевинныхъ народныхъ вѣрованій и идеаловъ, и своимъ поэтическимъ прозрѣніемъ проникъ до самыхъ тайниковъ русской души, до самого корня и глубочайшихъ вѣковѣчныхъ основъ русской народной жизни т. е. его православной вѣры, какъ чистаго духа Христова. Извѣстно теперь и неподлежитъ никакому сомнѣнію и спору, что Пушкинъ въ послѣдніе годы своей жизни обнаруживалъ рѣшительный поворотъ и стремленіе, твердо и ясно опредѣлившееся къ христіанской, чисто православной *религиозности*. Показанія близкихъ къ нашему поэту людей сходятся въ томъ, что поэтъ находилъ неистощимое наслажденіе въ чтеніи Евангелія и многія молитвы церковныя, которыя казались ему исполненными высокой поэзіи, онъ заучивалъ наизусть и перелагалъ ихъ на свой поэтическій языкъ. Вообще онъ любилъ углубляться въ чтеніе книгъ духовнаго содержанія, особенно Четьи-Минеи—этой неистощимой сокровищницы эпическихъ христіанскихъ идеаловъ и типовъ, онъ удивлялся, что многіе часто не имѣютъ

понятія о жизни святаго, имя котораго носятъ отъ колыбели и купели до гроба и могилы. Онъ принималъ живое участіе въ составленіи словаря святыхъ, прославленныхъ въ Русской церкви. Онъ пламенно желалъ въ своемъ помѣстьи Михайловскомъ воздвигнуть церковь во имя Вознесенія Господня, вѣруя въ какое-то таинственное соотношеніе съ этимъ великимъ христіанскимъ праздникомъ главнѣйшихъ событій своей жизни. Наконецъ въ высшей степени религіозно-христіанскаго настроенія духа и направленія, — какое приняла жизнь нашего безсмертнаго поэта, погибшаго отъ выстрѣла своего личнаго врага, — знаменательны и отрады христіанскому чувству предсмертныя слова любви и христіанскаго прощенія своему врагу, сказанныя, какъ послѣдняя воля и завѣщаніе умирающаго поэта одному изъ своихъ друзей: „требую, чтобы ты не мстилъ за мою смерть, *прощаю ему и хочу умереть христіаниномъ*“.

Все это факты и событія жизни поэта, а вотъ и чудныя отраженія ихъ христіанскаго свѣта въ призмѣ его поэтическаго миросозерцанія и творчества въ этомъ новомъ направленіи его поэзіи, корни которой мало по малу, постепенно и все глубже и глубже проникали въ глубь, подпочвенную и таинственную глубь жизни и души человѣческой. Обозрѣвая всю поэтическую дѣятельность его, и безъ предубѣжденія, невольно приходишь къ заключенію, что мы имѣемъ только приготовленіе Пушкина къ послѣдней ступени его развитія, *начало конца*, который долженъ былъ съ очевидностію опредѣлить высшій строй и духъ его поэтическаго, совершенно новаго чисто христіанско-русскаго созерцанія правды жизни и дорисовать его высоко-человѣчный, *всечеловѣчный* т. е. чисто христіанскій поэтическій образъ. *Начало...* но какое начало! Имъ оставлены всему человѣчеству, не одному русскому

народу—это замѣтите—безсмертныя, неувядаемыя по своей вѣчной жизненной правдѣ и красотѣ поэтическія созданія,—первенцы, начатки новой въ исторіи поэзіи эпохи, своею глубиною и всеобъемлемостію чувства и мысли, невиданною законченностію поэтическаго творчества, вполне пластическою изобразительностію и живописью духовныхъ явленій и вмѣстѣ съ симъ чисто библейскою простотою, правдою и строгостію, такъ сказать, святостію, елейностію благоуханной рѣчи, совершенно *сродной* съ гениемъ народнаго языка,—всѣмъ этимъ ясно говорящіе, какое новое слово для жизни и поэзіи жизни, не нашего только русскаго, но всего христіанскаго человѣчества замолкло съ сомкнувшимися смертью устами этого даже изъ самыхъ великихъ избраннаго гениа человѣчества.

Мы не будемъ долго останавливаться на объясненіи замѣчательнѣйшихъ въ этомъ отношеніи созданій нашего поэта, но пусть каждый въ минуту жизни трудную, въ состояніи переживаемой духовной тяготы обыденнымъ и житейскимъ попеченіемъ, когда душа жаждетъ „матери-пустыни“ (а всякій русскій испытывалъ и переживалъ эту жажду духа, начиная съ св. и преп. Антонія и Θεодосія и до древнихъ князей, схимившихся въ Лаврѣ честной), пусть прочтетъ чудное стихотвореніе Пушкина подъ заглавіемъ „*Странникъ*“, въ которомъ эта спасительная скорбь души, эта духовная жажда матери-пустыни, эта сердечная тоска по небесной родинѣ, это часто рѣшительное и неудержимое стремленье Русскаго православнаго человека на „спасенья узкій путь и тѣсныя врата“, изображены нашимъ поэтомъ въ невыразимо чудныхъ стихахъ, по соединенію религіозности, поэзіи и живописи духовныхъ состояній“. Стихотвореніе это, составляющее поэмю само по себѣ, открываетъ то глубокое духовное начало, которое проникло собою уже всецѣло

мысль поэта и возвысило ее до образовъ, принадлежащихъ по характеру своему уже къ образамъ чисто религіознаго христіанскаго эпоса.

Пусть припомнитъ каждый и одно изъ предсмертныхъ стихотвореній безсмертнаго поэта, подъ заглавіемъ „*Молитва*“. Не правда ли, что въ каждомъ словѣ этого благоуханнѣйшаго стихотворенія такъ и дышетъ чувство чисто христіанскаго умиленія и духъ глубокаго покаяннаго чувства великой христіанской совѣсти поэта? Развѣ не почувствуетъ и весь нашъ православный міръ народъ выраженіе въ немъ самаго святаго, самаго чистаго своего духовнаго, воистину *задушевнаго*, т. е. самаго *глубиннаго* настроя и строя своей христіанской жизни? И какимъ дивно-простымъ, истинно роднымъ, проникающимъ въ самую душу и сердце, почти церковно-богослужебнымъ словомъ выражено это святое, чистое и для всякаго христіанина *душевное* дѣло, души радѣніе и печалованіе предъ Богомъ о ранахъ и болѣзняхъ совѣсти., въ чемъ состоитъ самая суть Христіанства, вся высшая правда жизни и законъ духа жизни по Христу.

Въ приведенныхъ, равно какъ и въ другихъ лирическихъ того же рода созданіяхъ поэта, мы обозначаемъ самые высшіе моменты поэтически-религіознаго вдохновенія, возвышающагося до непосредственнаго сліянія съ духомъ христіанскаго эпоса и церковныхъ молитвенныхъ пѣснопѣній во всей ихъ умирительной красотѣ. Но это высшее народно-христіанское міросозерцаніе, какъ духовное *начало* какъ жизненный нервъ, проникаетъ и всю поэтическую дѣятельность Пушкина, воссоздававшую, воплощавшую въ поэтическихъ образахъ и жизнь русскую съ ея правдою и неправдою, и жизнь другихъ народовъ съ ихъ національными геніями и идеалами.

Въ отношеніи къ русской жизни Пушкинъ, впер-
выхъ и первый, своимъ прозорливымъ гениальнымъ
разумомъ, чисто русскимъ сердцемъ и христіанско-
русскою совѣстью, открылъ и художественно изо-
бразилъ глубокую неправду нашей общественной
жизни, оторванной отъ народной почвы, отъ народ-
наго корня и коренныхъ духовныхъ основъ, самой
сѹти и жизненной силы—которою была и навсегда
будетъ православная вѣра, какъ высшій нрав-
ственный идеалъ, нравственная особенность Рус-
ской народности и народной личности, самобытности.
Онъ отмѣтилъ и выпухло поставилъ предъ нами
отрицательный типъ нашъ, человѣка^о безпокоющагося,
непримиряющагося съ народною правдою, въ родные
идеалы и народныя силы невѣрующаго, Россію и
себя самого (т. е. слой общества, оторвавшійся отъ
родной почвы) въ концѣ концовъ отрицающаго, жить
и дѣлать по Русской правдѣ вмѣстѣ съ Русскимъ
православнымъ народомъ не желающаго и искренно
трагически страдающаго. Эту самую большую язву
составившагося у насъ послѣ Петровской реформы
общества—безпочвеннаго, иностранцевъ Русскихъ, отри-
цающихъ вравду Русскую и въ силу законовъ этой
правды трагически карающихъ себя, какъ *ложь*.—эту
основную ложь противъ правды истинной Русской
жизни Пушкинъ глубоко распозналъ, художественно
изобразилъ и нелицемѣрно обличилъ и осудилъ, воимя
вышей правды русской жизни—въ типахъ скиталь-
цевъ Русской земли—*Алеко* и *Онегинъ*—герояхъ своихъ
гениальныхъ поэмъ. Но онъ же первый (*а до него никто*)
своими бессмертными созданіями подалъ сбществу и
утѣшительную надежду, что эта наша коренная язва—
не смертельна и что жизнь нашего общества можетъ
быть сохранена, что болѣзнь можетъ быть излѣчена и
жизнь обновится, если направится по нормѣ народной

правды, будетъ стремиться къ идеалу этой правды, сроднится съ нимъ. возлюбитъ его и смирится предъ его правдою. Пушкинъ первый, войдя своимъ гениемъ, чисто русскимъ разумомъ въ соприкосновеніе съ глубокими жизненными основами народнаго духа, на этой-то самой глубинѣ встрѣтилъ положительно прекрасныя явленія жизни и первый далъ намъ въ своей поэзіи художественныя типы красоты русской, вышедшей прямо изъ духа русскаго, обрѣтавшейся въ нашей народной почвѣ и возникшей изъ нея *правды*. Безсмертными памятниками въ этомъ положительномъ отношеніи поэзіи къ русской жизни служатъ созданныя гениальнымъ поэтомъ бытовые чисто русскіе типы „въ Капитанской дочкѣ“ и во многихъ другихъ образахъ, проходящихъ въ его разсказахъ, въ его исторіи пугачевщины, въ его стихотвореніяхъ, — особенно же типы художественныя: каковъ типъ *Татьяны*, женщины совершенно русской, уберегшей себя въ цѣлокупности своей души отъ наносной лжи, своимъ благороднымъ инстинктомъ чувствующей гдѣ и въ чемъ правда, находящей твердое и неизблемое, — на что опирается ея чистое и прекрасное сердце, — въ воспоминаніяхъ дѣтства, родины — деревенской глуши, гдѣ началась ея смирная чистая жизнь; что дороже всего для нея — „*Крестъ и тѣнь вѣтвей надъ могилой ея бѣдной богобоязненной няни*“, — и въ сознаніи этой правды говорящей въ безсмертномъ финалѣ поэмы Онегину:

„Я другому отдана,
Я буду вѣкъ ему вѣрна“.

Такова апопееза русской женщины, которая не можетъ отдать на позоръ свою святыню и которой предназначилъ поэтъ высказать святыню мысли своей безсмертной поэмы въ послѣдней встрѣчѣ Татьяны съ Онегинымъ. — Въ томъ же положительномъ народномъ

направленіи созданные Пушкинымъ историческіе типы въ его гениальной трагедіи „Борисъ-Годуновъ“. Таковъ особенно созданный Пушкинымъ типъ *инюка-мтотписца*, этаго величаваго русскаго образа, отысканнаго поэтомъ въ русской землѣ, имъ изваяннаго и поставленнаго предъ нами теперь уже навѣки въ безспорной, смиренной и величавой духовной красотѣ своей, какъ свидѣтельство того мощнаго духа народной жизни, который можетъ выдѣлять изъ себя образы такой неоспоримой правды. Вы созерцаете этотъ образъ и соглашаетесь, что стало быть и духъ народа, его создавшій, и сила этого духа велики и необъятны. Повсюду у Пушкина слышится вѣра въ народный идеаль, вѣра въ его духовную мощь, а коль-скоро вѣра, стало быть и надежда, великая надежда за русскаго человѣка“, во имя вышей духовной правды его жизни. говорить Достоевскій.

Теперь мы будемъ продолжать точными словами гениальной рѣчи сказанной,—при открытіи величаваго памятника Пушкину въ Москвѣ,—этимъ высокимъ преемникомъ Пушкинской поэзіи—*Θ. М. Достоевскимъ*, въ глубокомъ православно-русскомъ міросозерцаніи котораго нигде не можетъ усомниться.

„Пушкинъ, говорилъ Достоевскій, есть явленіе чрезвычайное и можетъ быть единственное явленіе русскаго духа, сказалъ Гоголь. Прибавлю отъ себя: и *пророческое*.“ Въ этомъ отношеніи особенно Достоевскій отмѣчаетъ „тотъ разрядъ его произведеній, въ которыхъ преимущественно засіяли идеи всемирныя, отразились поэтическіе образы другихъ народовъ и воплотились ихъ гени. И въ этотъ-то періодъ своей дѣятельности нашъ поэтъ представляетъ собою нѣчто почти даже чудесное неслыханное и невиданное до него нигдѣ. Въ самомъ дѣлѣ въ европейскихъ лите-

ратурахъ были громадной величины художественные гении—Шекспиры, Сервантесы, Шиллеры. Но укажите хоть на одного изъ этихъ гениевъ, который бы обладалъ такою способностію всемірной отзывчивости какъ нашъ Пушкинъ. И эту-то способность, главнѣйшую способность нашей національности, онъ именно раздѣляетъ съ народомъ нашимъ, и тѣмъ, главнѣйше, онъ и народный поэтъ. Самые величайшіе изъ европейскихъ поэтовъ никогда не могли воплотить въ себѣ съ такою силой гений чужаго народа. Духъ его, всю затаенную глубину этого духа и всю тоску его признанія, какъ могъ это проявлять Пушкинъ. Напротивъ, обращаясь къ чужимъ народностямъ, европейскіе поэты перевоплощали ихъ въ свою же національность и понимали по своему. Пушкинъ лишь одинъ изъ всѣхъ міровыхъ поэтовъ обладаетъ свойствомъ перевоплощаться вполне въ чужую національность. Вотъ *сцены изъ Фауста*, вотъ *скутой Рыцарь* и баллада: *Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный*. Перечтите Донъ-Жуана и еслибъ небыло подписи Пушкина, вы бы никогда не узнали, что это написалъ не Испанецъ. Какіе глубокіе фантастическіе образы въ поэмѣ: *Пиръ во время чумы!* Но въ этихъ образахъ слышенъ гений Англій. Вотъ религиозныя строфы изъ Корана „*подражанія Корану*“: развѣ это не самый духъ Корана и мечъ его, простодушная величавость вѣры и грозная кровавая сила его? А вотъ и древній міръ, вотъ „*Египетскія ночи*“, вотъ эти земные боги... обезумѣвшіе, въ предсмертной скукѣ своей и тоскѣ тѣшащіе себя фантастическими звѣрствами, сладострастіемъ... Нѣтъ положительно скажу, не было поэта съ такою всемірною отзывчивостію какъ Пушкинъ, и не въ одной только отзывчивости тутъ дѣло, а въ изумляющей глубинѣ ея, а въ перевоплощеніи своего духа въ духъ чужихъ народовъ, перевоплощеніи почти совершен-

номъ, а потому и чудесномъ, потому что нигдѣ ни въ какомъ поэтѣ цѣлаго міра такого явленія не повторилось. Это только у Пушкина, и въ этомъ смыслѣ, повторяю, онъ явленіе невиданное и неслыханное, а по нашему, и пророческое, ибо... ибо тутъ-то и отразилась наиболѣе національная русская сила, отразилась именно народность его поэзіи, народность въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, народность нашего будущаго, таящагося уже въ настоящемъ и отразилась пророчески. Ибо что такое сила русской народности, какъ не стремленіе ея въ конечныхъ цѣляхъ своихъ ко *всемірности и ко всечеловѣчности*?.. Да, назначеніе русскаго человѣка есть безспорно всеевропейское и всемірное. Стать настоящимъ русскимъ, стать вполне русскимъ (поясимъ—вполнѣ *православнымъ*) можетъ быть и значить только—*стать братомъ всѣхъ людей, всечеловѣкомъ*, если хотите. Для настоящаго Русскаго Европа и удѣлъ всего великаго Арійскаго племени также дороги, какъ и Россія, какъ и удѣлъ своей родной земли, потому что нашъ удѣлъ и есть всемірность, и не мечомъ приобрѣтенная, а силой братства и братскаго стремленія нашего къ воссоединенію людей... И въ послѣдствіи, я вѣрю въ это, мы т. е. будущіе грядущіе русскіе люди, поймутъ уже всё до единаго, что стать настоящимъ русскимъ и будетъ именно значить: стремиться внести примиреніе въ европейскія противорѣчія уже окончательно, указать исходъ европейской тоскѣ въ своей русской душѣ, всечеловѣчной и всесоединяющей, вмѣстить въ нее съ братскою любовью всѣхъ нашихъ братьевъ, а въ концѣ концовъ можетъ быть и изрѣчь окончательное слово великой общей гармоніи братскаго окончательнаго согласія всѣхъ племенъ по Христову евангельскому закону!. Этому надлежало быть высказаннымъ особенно теперь, въ минуту чествованія нашего ве-

ликаго генія, эту именно идею въ художественной силѣ своей воплотившаго... Чтоже? Я говорю лишь о братствѣ людей и о томъ, что ко всемірному, что ко всечеловѣчески братскому единенію сердце русское можетъ быть изъ всеѣхъ народовъ наиболѣе предназначено, вижу слѣды сего... въ художественномъ геніи Пушкина. Пусть наша земля нищая, но эту нищую землю „въ рабскомъ видѣ исходилъ благословляя Христось. Почему же намъ не вмѣстить послѣдняго слова: Его? Да и Самъ Онъ не въ ясляхъ ли родился? Повторяю по крайней мѣрѣ мы можемъ указать на Пушкина, на всемірность и всечеловѣчность его генія. Въ художественномъ творчествѣ онъ проявилъ эту всемірность стремленія русскаго духа неоспоримо. Если бы жилъ онъ долѣе, можетъ быть явилъ бы безсмертные и великіе образцы души русской уже понятные нашимъ европейскимъ братьямъ, привлекъ бы ихъ гораздо болѣе къ намъ и ближе, чѣмъ теперь, можетъ быть успѣлъ бы имъ разъяснить всю правду стремлений нашихъ, и они уже болѣе понимали бы насъ, чѣмъ теперь, стали бы насъ предугадывать, перестали бы на насъ смотрѣть столь недоувѣрчиво и высокоумѣрно, какъ теперь еще смотрятъ. Но Богъ судилъ иначе. Пушкинъ умеръ въ полномъ развитіи своихъ силъ и безспорно унесъ съ собою въ гробъ нѣкоторую великую тайну“.

Тайна же, докончимъ мы, этого высокаго поэтическаго вдохновенія заключается въ *духъ* той церкви—этого живаго *Христово тѣла*, члены котораго соединяются во едино взаимною братскою любовью во Христѣ, той церкви, которою опредѣлился изначала съ первымъ вступленіемъ на свѣтъ исторіи духъ русской народности въ своей внутренней глубинѣ и сути. и ей какъ дорогое сокровище, ввѣрено это духовное начало Христова всебратства, всечеловѣчности хра-

нить и въ концѣ концовъ изрѣчь всему міру. Ставъ вполне народнымъ поэтомъ, Пушкинъ тотъ часъ же, какъ только прикоснулся къ (этой) силѣ народной, такъ уже и предчувствуетъ великое грядущее назначеніе этой силы: и вотъ, и въ звукахъ его дивныхъ пѣсень послышался голосъ этой чудесной отзывчивости всечеловѣческой, какъ бы призывъ къ всебратскому воссоединенію людскихъ сердецъ, и въ самой личной жизни высшее духовное начало уже настолько возродило и проникло душу и сердце поэта теплою и силою христіанской любви и прощенія, что дало поэту святую силу изрѣчь, въ предсмертныхъ тяжкихъ страданіяхъ, даже въ отношеніи къ смертельному своему личному врагу эти братолюбныя христіанскія слова: „Требую, чтобы ты не мстилъ за мою смерть; *прощаю ему и хочу умереть христіаниномъ*“. И онъ умеръ, какъ христіанинъ, какъ искренній сынъ церкви, возвратившійся въ ея материнское лоно и взявъ съ собою въ вѣчность залогъ вѣры искренней, неискаженной суетумудріемъ и дѣтски чистой простой, оставилъ въ своей высокой поэзіи всѣмъ грядущимъ поколѣніямъ Россіи и всѣмъ народамъ завѣтъ всебратскаго всечеловѣческаго соединенія...

Да даруетъ Всемилостивый Мздовоздаятель избраннику Своему и рабу вѣрному, которому дано было десять талантовъ въ его гении, ради его высокаго дѣланія въ обществѣ и человечествѣ поэтическимъ глаголомъ, жегшимъ сердца людей и зажигавшимъ свѣтъ въ ихъ умахъ, да даруетъ всепрощеніе вольныхъ и невольныхъ прегрѣшеній, да не помянетъ на судѣ Своемъ его грѣхи юности и невѣденія, да изліетъ въ горѣвшее и болѣвшее сердце его отъ житейскихъ волненій и людскихъ обидъ миръ Божій и вѣчный покой въ небесныхъ обителяхъ и, наконецъ, покроетъ его вѣнцомъ славы небесной, который для души его

безконечно цѣннѣе и желаннѣе, чѣмъ всѣ вѣнки славы, которыми благодарное потомство ознаменовываетъ теперь свою благодарность, почтеніе и удивленіе предъ величайшимъ гениемъ своего перваго поэта, вѣщато выразителя думъ глубочайшихъ и стремленій высочайшихъ души русской, всеобъемлющаго носителя духа православно-славянскаго племени и его предназначенія въ человѣчествѣ!

Ректоръ сем. прот. *Н. Марковъ.*

27 января 1887 года.

Краткій очеркъ жизни, дѣяній и ученія Господа нашего Исуса Христа,

(изъ поученія)

Болѣе восемнадцати вѣковъ отдѣляютъ насъ, братіе, отъ того благодатнаго времени, когда *Слово стало плотію и обитало съ нами* (Іоан. 1., 14). Взирая изъ такой дали на это время, мы въ жизни Господа Исуса Христа можемъ различить три періода: жизнь Спасителя міра до Его общественнаго служенія, періодъ общественнаго служенія Его роду человѣческому, и время Его страданій, смерти и воскресенія. Вся жизнь Спасителя міра во всѣ эти періоды одинаково поражаетъ насъ своимъ величіемъ и въ тоже время своею таинственностью и непостижимостью. Чтобы видѣть это, бросимъ общій взглядъ на каждый изъ періодовъ жизни Господа нашего Исуса Христа.

Тотъ, Кому надлежало спасти весь міръ отъ грѣха, проклятія и смерти, прежде всего является на землѣ, какъ бѣдное дитя бѣдной Дѣвы, въ пещерѣ, въ ясляхъ для скота, нигѣмъ, повидимому, не вѣдомый и совершенно беззащитный. Но какимъ лучезарнымъ, неземнымъ свѣтомъ, какимъ величіемъ

окружено это Дитя! Его рожденіе должно принести радость всему міру и вотъ эта радость впервые появляется въ мірѣ горнемъ: Его славословятъ тмы ангеловъ. Отсюда переходитъ она на землю, гдѣ бѣдные, простые пастыри первые удостоиваются вѣсти объ этомъ чудномъ рожденіи. Въ тоже время мудрецы Востока, водимые чудною звѣздою, идутъ поклониться Ему и своими дарами уже отличаютъ въ этомъ бѣдномъ Младенцѣ великаго царя; Его судьбу уже видитъ богодухновенный старецъ Симеонъ; вѣсть о Его рожденіи уже порождаетъ темное политическое подозрѣніе въ душѣ Ирода и, наконецъ, рука Божія явно видна въ храненіи младенца отъ преслѣдованій этого тиранна. Кто не преклонится предъ величіемъ и непостижимостію всего этого?

Подробнѣе говоря о событіяхъ, предшествовавшихъ рожденію Господа нашего Иисуса Христа и непосредственно слѣдовавшихъ за нимъ, св. евангеліе покрываетъ мракомъ невѣдственности все дальнѣйшее время жизни нашего Господа до того момента, когда угодно было Ему выступить на дѣло Своего общественаго служенія. Только одинъ фактъ сообщаетъ намъ евангелистъ Лука. Изъ его повѣствованія мы видимъ двѣнадцатилѣтнаго Отрока Иисуса въ Иерусалискомъ храмѣ среди первосвященниковъ и книжниковъ іудейскихъ, изумляющаго ихъ Своимъ умомъ и Своими рѣчами. И этотъ фактъ стоитъ въ полной гармоніи съ тѣмъ, что знаемъ мы, братіе, о первыхъ дняхъ жизни Спасителя міра. Онъ равно таинствененъ и непостижимъ для насъ и эта черта его еще рѣзче выдѣляется, если мы примемъ во вниманіе условія жизни и воспитанія Господа нашего Иисуса Христа. Родился Онъ среди народа презрѣннаго, находившагося подъ чужеземнымъ игомъ, воспитывался и жилъ въ маломъ городкѣ, обратив-

шесся въ пословицу. Ни высшихъ школъ, ни библиотекъ, ни образованнаго общества не могъ имѣть Онъ живя въ Назаретѣ, въ повиновеніи Матери Своей и Иосифу и усердно раздѣляя плотническое ремесло этого послѣдняго, и при всемъ этомъ, еще двѣнадцатилѣтній отрокъ, Онъ изумляетъ уже Своими рѣчами людей ученѣйшихъ въ Иудеѣ, людей книжныхъ. Явленіе непостижимое!

Еще непостижимѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ еще величественнѣе жизнь Господа Иисуса Христа въ періодъ Его общественнаго служенія. Можно было бы ожидать внѣшняго блеска и величія въ жизни Того, Кто пришелъ спасти вселенную, но ничего подобнаго мы не видимъ въ жизни нашего Господа. Его дѣятельность вращается въ кругу самыхъ обыденныхъ отношеній—сына, брата, друга, учителя и гражданина. Самъ Онъ бѣденъ, не имѣетъ, гдѣ приклонить главу,—большинство учениковъ Его—бѣдные рыбаки и плотники. Онъ ѣстъ съ грѣшниками, обращается въ толпѣ народа. Ни знатности, ни богатства, ни даже знатнаго покровительства—и въ тоже время съ Его величіемъ и властью не можетъ стать въ уровень никакое земное величіе и власть царская. Какія рѣчи льются изъ устъ Богочеловѣка! Онѣ неотразимо влекутъ къ Нему сердца всѣхъ, еще не погрязшихъ во злѣ. И не удивительно: это было то ученіе Божественное, которое переродило весь міръ, вывело его изъ тьмы на свѣтъ. Ничего подобнаго до пришествія Спасителя міра на землю никогда не слышало ниодно человѣческое ухо и никогда не услышитъ. Это—то ученіе, въ которомъ напрасно человѣческій разумъ сталъ бы искать хоть малѣйшаго недостатка: недостаткамъ нѣтъ мѣста въ словѣ Самого Бога. *Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга: якоже возлюбихъ вы, да и вы любите себе* (Іоан.

13, 34). Вотъ существенная черта Его ученія: любовь къ ближнему равная любви къ людямъ самого Христа Спасителя, а эта любовь Его была столь велика, что Его, единороднаго Сына Божія, низвела съ неба на крестъ. *Иже хоцетъ по Мнѣ ити, да отвержется себѣ, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ ирядетъ* (Марк. 8, 34). Вотъ другая характерная черта Его Божественнаго ученія: самоотверженное и безропотное перенесеніе всѣхъ невгодъ и бѣдствій во имя любви къ Богу. Что можетъ быть выше этого ученія и какой мудрецъ можетъ предложить что нибудь подобное! Помимо ученія Иисуса Христа, самая личность Его, безгрѣшнаго и святаго, и Его Божественныя дѣла еще болѣе приковываютъ къ Нему толпу Его спутниковъ. Напрасно ктонибудь сталъ бы искать недостатковъ въ личности Иисуса Христа: въ Немъ и какъ въ человѣкѣ не было ниодного пятна. Онъ—сама истина и ложь Ему не доступна; Онъ воплощенная самоотверженность, рядомъ съ которою нѣтъ мѣста згоизму и честолюбію; всякая чувственность должна далеко бѣжать при видѣ Его невинности. *Кто изъ васъ обличаетъ Мя о грѣсъ* (Іоан. 8, 46)? спрашивалъ Господь Иисусъ Христосъ у современниковъ и на Его вопросъ можетъ отвѣтить голосъ не современниковъ только, а всего человѣчества: никто! Такова безгрѣшность Его, какъ человѣка. Но Онъ не человѣкъ святой только, но и Богъ, принявшій святую человѣческую природу, и если предъ святостію Его, какъ человѣка, мы съ благоговѣніемъ преклоняемся, то тѣмъ болѣе должны мы сдѣлать это при взглядѣ на Его дѣла, въ которыхъ проявилось Его Божеское могущество. *Пойдите, скажите Іоанну, что вы видѣли и слышали*, говоритъ Онъ ученикамъ Іоанна: *слѣпые прозръваютъ, хромые ходятъ, прокаженные очищаются, глухіе*

слышать, мертвые воскресаютъ, и ницѣе благовѣствуютъ. И блаженъ, кто не соблазнится о Мнѣ (Лук. 7, 22—23)! Какія благодатныя времена! Видѣть Господа лицомъ къ лицу, слышать глаголы устъ Его, видѣть Его чудеса—какое счастье! И какъ могли іудеи не узнать въ Иисусѣ Христѣ Сына Божія?—А между тѣмъ это такъ.. Тутъ переходимъ мы къ третьему періоду жизни Господа нашего Иисуса Христа на землѣ.

Въ Божественномъ совѣтѣ предвѣчно рѣшено было спасти родъ человѣческій отъ грѣха, проклятiя за грѣхъ и смерти и средствомъ этого спасенiя была избрана смерть Богочеловѣка; безгрѣшный и святой Господь нашъ Иисусъ Христосъ долженъ умереть и вотъ, людская злоба дѣйствительно предаетъ Его позорной смерти раба. Сосредоточимъ, братіе, все свое вниманіе на этихъ послѣднихъ дняхъ жизни Господа Иисуса Христа предъ Его смертію и мы увидимъ страшную картину. Всѣ виды пороковъ человѣческихъ и дiавольской злобы соединились противъ Него! Здѣсь—неблагодарность, измѣна, предательство, оскорбленіе, поруганіе, насмѣшки, тѣлесныя и душевныя мученiя и вѣнецъ, всего—позорная смерть на крестѣ. Что могло быть несправедливѣе этого! Припомнимъ, что самъ Пилать умываетъ руки, свидѣтельствуя свою невинность въ смерти Иисуса Христа; что сотникъ при крестѣ Его бiя себя въ грудь, согласился, что Онъ есть Сынъ Божій, что Іуда, предавши своего учителя, не могъ вынести мучительнаго состоянiя души своей и, бросивъ сребренники предъ священниками, сознался, что предалъ кровь невинную; вспомнимъ, наконецъ, и то, что вся природа какъ бы дрожала отъ страха, при видѣ этого дѣла людской злобы. А между тѣмъ какъ переносилъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ эти

величайшія и при томъ самыя незаслуженныя мученія и смерть?—Его человѣческая природа была совершенна, поэтому въ Немъ была истинно человѣческая нѣжность и отзывчивость чувства на все; но въ тоже время съ ними соединены были величіе и достоинство истинно Божескія. Видя страданія Христа Спасителя, мы не сожалѣемъ о Немъ, какъ обыкновенно сожалѣемъ о какомъ нибудь человѣкѣ, сдѣлавшемся несчастною жертвою людской злобы и непониманія; нѣтъ,—при взглядѣ на пригвожденнаго ко кресту нашего Господа, мы съ благоговѣніемъ и страхомъ склоняемся предъ Его Божескимъ величіемъ. Мы слышимъ многозначительныя слова Спасителя міра: *дщери іерусалимскія! Не плачьте обо Мнѣ, но плачьте о себѣ и о дѣтяхъ вашихъ* (Лук. 23, 28). Это сознаніе своего Божескаго величія, сознаніе, что Онъ исполняетъ волю пославшаго Его Отца, съ Которымъ Онъ, какъ Богъ, одно, не покидало Господа нашего Иисуса Христа во все время Его земной жизни. *Азъ прославихъ Тя на земли, дѣло совершивъ, еже далъ еси Мнѣ да сотворю* (Іоан. 17, 4), говоритъ Онъ Отцу Своему въ Своей первосвященнической молитвѣ къ Нему предъ разлукою съ міромъ. Это сознаніе не покидало Его и въ минуту смерти, когда со словами: *Отче! въ руки Твои предаю духъ Мой* (Лук. 23, 46) Спаситель міра умеръ на крестѣ. *И се завѣса церковная, говоритъ другой евангелистъ, раздрася на двое съ вышняю края до нижняю: и земля потрясется: и каменіе распадется, и гробы отверзюшася и многа тела усопшихъ святыхъ возсташа* (Маѳ. 27, 51—52). Какъ величественны, таинственны и страшны эти моменты! Что-то особенное чувствуется въ сердцѣ cadaго, не совсѣмъ еще зачерствѣвшаго человѣка, при чтеніи этихъ словъ евангелиста. И подлинно: послѣдніе

моменты составляют вѣнецъ всей чудной, величественной жизни Господа нашего Иисуса Христа.

Вотъ, братіе, предъ нами живая картина земной жизни Господа Иисуса Христа съ Его дѣлами и ученіемъ. При взглядѣ на нее, различныя ощущенія замѣчаемъ мы въ своей душѣ. Тутъ и восхищеніе, и удивленіе, и страхъ, и грусть и вмѣстѣ горячая любовь къ Страдальцу Христу. По мѣрѣ того какъ приближаемся мы въ своемъ обзорѣ къ концу земной жизни Господа Иисуса Христа, въ нашей душѣ все болѣе и болѣе растетъ сознаніе, что мы люди согрѣшившіе, извратившіе свою прежде чистую, безгрѣшную природу, стали причиною смерти нашего Господа, а вмѣстѣ съ этимъ сознаніемъ увеличивается и чувство страха за все человѣчество, грусти и любви къ воплотившемуся Сыну Божію. Чѣмъ теплѣе душа человѣка, чѣмъ природа его неповрежденнѣе, проще, ближе къ дѣтской натурѣ, тѣмъ сильнѣе въ ней это сознаніе и тѣмъ живѣе въ ней эти чувства. Братіе возлюбленные! Все мы знаемъ, насколько важны для насъ эти чувства. Развивая ихъ въ своей душѣ, мы, незамѣтно для самихъ себя, становимся нравственно лучшими и приближаемся къ Тому, Кто будучи совершенно безъ грѣха, *язвенъ бысть за грѣхи наша, и мученъ бысть за беззаконія наша* (Ис. 53, 5), а ближе становясь къ великому Страдальцу, мы тѣмъ самымъ удаляемся отъ всего порочнаго и злаго. Будемъ же чаще размышлять о земной жизни Господа Иисуса Христа, чаще представлять себѣ картину Его страданій и смерти, не забывая, что причина ихъ мы, люди.

Н. Маккавейскій.

Клевета на народъ въ современной литературѣ.

Кажется, ни одинъ вопросъ не вызывалъ въ русской литературѣ и обществѣ столько различныхъ отвѣтовъ, столько разнообразныхъ и противоположныхъ мнѣній, какъ вопросъ о нашемъ простомъ народѣ. Было время, когда литература должна была доказывать обществу, что мужикъ такой же человѣкъ, состоящій изъ души и тѣла, какъ и баринъ. Было затѣмъ время, когда мужикъ представлялся образцомъ совершенства, когда о мужикѣ позволялось говорить только съ хорошей стороны, а сказать что нибудь въ иномъ тонѣ считалось признакомъ отсталости, обскурантизма. Вопросъ о народѣ былъ тогда моднымъ вопросомъ: ни одна книжка журнала не выходила тогда безъ какой-нибудь статьи, очерка, разсказа, повѣсти изъ крестьянской жизни, и во всѣхъ такихъ очеркахъ, повѣстяхъ и разсказахъ сентиментальничанье съ народомъ доходило до приторности, до тошноты. Наконецъ и это сентиментальничанье надоѣло, въ послѣднее время опять слышны рѣчи о мужикѣ въ минорномъ тонѣ, опять появился пессимистическій взглядъ на мужика. Нельзя впрочемъ сказать, чтобы трезваго взгляда на народъ въ настоящее время совсѣмъ не существовало. Земѣчательно то, что какъ прежніе оптимисты, такъ и нынѣшніе пессимисты судятъ о народѣ слишкомъ вообще: хорошъ народъ, по мнѣнію первыхъ, весь вообще, безъ исключеній; изъ рукъ вонъ плохъ народъ, по мнѣнію вторыхъ, тоже весь вообще. Одинъ напр. извѣстный публицистъ, наблюдатель народной жизни, приходитъ къ заключенію, что мужикъ—«особь опасная своею личною глупостію и дивостію», и вездѣ онъ таковъ: «отъ Архангельска до «Адесты» и отъ «Адесты» до Камчатки, отъ Камчатки до Владикавказа и

дальше до персидской, до турецкой гавицы»... Какъ хотите, а я этого никакъ не могу понять. Я не понимаю, какимъ образомъ возможно, чтобы по всей широкой Руси все было «сплошь» одно и то же, чтобы мужикъ былъ вездѣ одинъ и тотъ же, не смотря на неодинаковость историческихъ, климатическихъ, экономическихъ и т. п. условій. Будто нѣтъ разницы между крестьяниномъ, положимъ, западныхъ губерній и какимъ-нибудь ярославцемъ или москвичемъ. Снаружи если смотрѣть, то можетъ быть дѣйствительно будетъ «сплошь» одно и то же, но если всмотрѣться поглубже, то пожалуй окажется нѣсколько иное. Впрочемъ я не рѣшаюсь спорить съ извѣстнымъ публицистомъ, мнѣніе котораго было приведено выше, потому что быть можетъ онъ исколесилъ Россію вдоль и поперекъ, моему же наблюденію доступенъ только небольшой уголокъ. Тѣмъ не менѣе противъ жестокаго приговора о народѣ я буду протестовать. Сначала я считаю необходимымъ объяснить читателю мое отношеніе къ предмету рѣчи, т. е. къ народу.

Въ школѣ моей завѣтной мечтой было посвятить себя на служеніе народу. Желаніе это подогрѣвалось во мнѣ тогдашней литературой. Некрасовъ, Златовратскій и др. давали мнѣ понятіе о народѣ. Я ѣхалъ въ деревню съ самыми радужными ожиданіями, надеждами, планами. Въ настоящее время мое общественное положеніе таково, что я постоянно долженъ сталкиваться съ мужикомъ, поэтому имѣю возможность присматриваться, наблюдать, изучать народную жизнь небольшого уголка. Такимъ образомъ я имѣлъ возможность провѣрить свои понятія о народѣ наблюденіями надъ дѣйствительностью, и оказалось, что мои понятія вычитанныя изъ книгъ, не выдерживаютъ никакой критики. На первыхъ порахъ мнѣ при-

шлось испытать горькое разочарованіе. Я думалъ тогда, что хорошо знаю народъ, между тѣмъ не только тогда, когда я изучалъ народную жизнь по книгамъ, но и теперь, сѣввши съ мужикомъ пудъ соли, признаюсь, въ народѣ я многого не понимаю. Иногда поражаешься тою глупостію и дикостію, о которой говорить упомянутый публицистъ; видишь иной разъ такое варварство, такое звѣрство, что отказываешься понимать, какимъ образомъ человѣкъ могъ дойти до такого состоянія. Иногда напротивъ становишься въ тупикъ предъ такими высоконравственными подвигами этого «глупаго и дикаго» народа, предъ которыми добродѣтели нашей интеллигенціи дѣйствительныя и воображаемыя положительно блѣднѣютъ. И такіе контрасты, замѣтите, въ одномъ небольшомъ уголкѣ, доступномъ моему наблюденію! Какимъ же образомъ возможно, чтобы по всей широкой Россіи мужикъ вездѣ былъ одинъ и тотъ-же, вездѣ это «особь глупая и дикая»? Я этого понять не могу. Если я пойму, что одинъ мой сосѣдъ Иванъ Захаровъ есть «особь опасная своею личною глупостію и дикостію», то совершенно отказываюсь понимать, если то же самое скажутъ о другомъ моемъ сосѣдѣ Иванѣ Гавриловѣ, потому что это могутъ быть типы до крайности различныя, противоположныя. А то не рѣдко бываетъ и такъ: сегодня Иванъ Захаровъ учинилъ такую мерзость, такую дикость, что у васъ волосы становятся дыбомъ, а завтра онъ оказался способнымъ на такое святое дѣло, что вы готовы благоговѣть предъ нимъ. Можетъ быть это психологически не объяснимо, но это такъ. Да вотъ вамъ недавній фактъ. Есть у меня двѣ сосѣдки: одна жена довольно зажиточнаго крестьянина, другая бѣдная, одинокая вдова, старуха. Жили онѣ одна съ другою какъ кошка съ собакой. Огороды ихъ смѣжны. Забѣжить, бывало, курчонокъ

старухи къ сосѣдкѣ на огородъ, сейчасъ ссора, доходящая нерѣдко до жестокой драки. Больше даставалось старухѣ, впрочемъ и она не оставалась иногда въ долгу предъ сосѣдкой. А поймаетъ сосѣдка курчонка на огородѣ, тогда она безъ драки ощиплетъ ему перье и пустить голаго: на, моль, утѣшайся! А этотъ курчонокъ быть можетъ послѣднее достояніе старухи. Скажите, что это глупо или дико, и я не буду спорить. Но вотъ что дальше было. Старуха недавно заболѣла, ее свезли въ больницу. И представьте: богатая сосѣдка, злѣйшій врагъ старухи, безъ всякой просьбы и даже намека со стороны послѣдней, выколола ея огородъ, посадила, что надо, ухаживала, берегла, словомъ смотрѣла, какъ за своимъ добромъ. Это уже недикость, тутъ замѣчательное прощеніе обиды, это уже вполне христіанское дѣло, на которое не всякій интеллигентъ способенъ.

Разскажу еще объ одномъ фактѣ, свидѣтельствующемъ томъ, какъ мужикъ способенъ помогать человѣку въ несчастіи. Мой отецъ былъ священникомъ въ одномъ селѣ Новгородскаго у. и былъ любимъ прихожанами. Однажды его постигло несчастіе: пожаръ истребилъ его домъ со всѣмъ имуществомъ, самъ онъ выскочилъ изъ огня буквально безъ сапоговъ. На другой день сидитъ вся семья на пепелищѣ, вокругъ собралась толпа бабъ и мужиковъ, каждый принесъ что-нибудь на погорѣлое, у всѣхъ на глазахъ слезы. Сквозь толпу пробивается высокій, худой мужикъ Пантелѣй, самый бѣдный человѣкъ въ селѣ. подходитъ къ отцу: «ба...ба...а...тошма сапожки»... Больше онъ не могъ говорить отъ слезъ, и съ этими словами поставилъ предъ отцомъ свои новые сапоги, которые самъ надѣвалъ одинъ разъ въ годъ, въ Свѣтлый праздникъ. Это послѣднее, что у него было лучшаго въ домѣ

и это послѣднее онъ отдаетъ. Замѣтьте разницу: какой-нибудь интеллигентный баринъ, получивъ по телеграфу извѣстіе, по-ложимъ, о землетрясеніи въ г. Вѣрномъ, посылаетъ пострадавшимъ рублевку, т. е. въ сущности дѣлаетъ грошовую помощь, а «глупый и дикій» Пантелѣй, притомъ почти нищій, отдаетъ сапоги, т. е. послѣднее что у него есть.

Вотъ почему, въ виду такихъ фактовъ (эти факты не единичны), я протестую, когда произносятся жестокій приговоръ о всемъ народѣ вообще безъ оговорокъ, безъ исключеній, безъ уступокъ; протестую хоть только за одинъ небольшой уголокъ, доступный моему наблюденію. Досадно вѣдь когда клеветаютъ на вашихъ друзей, на близкихъ вамъ людей.

Но обвиненіе, возводимое на народъ извѣстнымъ публицистомъ, о которомъ говорилось выше, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, въ чемъ обвиняетъ народъ графъ Толстой въ своей драмѣ «Власть тьмы». Читеніе этой драмы производитъ вполне удручающее впечатлѣніе, волосы становятся дыбомъ при чтеніи тѣхъ ужасовъ, изъ которыхъ состоитъ вся драма. Вамъ кажется, что вотъ вы вдругъ очутились въ какой-то невѣдомой странѣ, видите вокругъ себя отвратительныхъ чудовищъ, которыя на вашихъ глазахъ пожираютъ другъ друга и готовы то же сдѣлать съ вами. Таково по крайней мѣрѣ было мое впечатлѣніе отъ этой драмы. Единственное добродѣтельное лицо въ драмѣ—золотарь Акимъ, но и тотъ представляется явленіемъ исключительнымъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ вещей, не имѣющимъ, такъ сказать, почвы для своего существованія. Всѣ остальные лица—злодѣи, передъ подвигами которыхъ ужаснулась бы сама преисподняя. Таковъ народъ въ драмѣ. Но этихъ красокъ кому-то показалось еще мало, кто-то сообщилъ въ газеты еще такого рода, такъ сказать,

эпилогъ къ драмѣ. Графъ, какъ рассказывали газеты, читалъ свою драму знакомымъ крестьянамъ. Слушали, разумѣется, со вниманіемъ, поняли все, какъ слѣдуетъ, но когда дѣло дошло до конца, когда было прочитано, какъ Никита сознается предъ народомъ и предъ урядникомъ въ своемъ злодѣяніи, то крестьянамъ это будто-бы показалось неправдоподобнымъ и они какъ бы выразили сожалѣніе о сдѣланной Никитою наконецъ глупости: «Вишь нечистая его дернула, все какъ слѣдуетъ оборудовалъ, да признался уряднику-то зачѣмъ?» Понимаете ли весь ужасный смыслъ этого эпилога? Вѣдь это значить, что даже та искра добра, какая вложена авторомъ въ драму, не болѣе какъ авторскій вымыселъ, не имѣющій основанія въ дѣйствительности. Это значить, что дѣйствительность еще хуже, еще мрачнѣе того, чѣмъ какъ она представляется въ драмѣ. Вотъ какими красками рисуютъ нашъ народъ. Эли не смертный приговоръ всему русскому народу! Вѣдь такой народъ существовать болѣе не можетъ, это трупъ, способный все болѣе и болѣе разлагаться; о какихъ-нибудь царствахъ тутъ не можетъ быть рѣчи. Если это такъ, если дѣйствительно таковъ нашъ народъ, то страшно становится за нашу будущность. Чего въ самомъ дѣлѣ ожидать намъ въ будущемъ? На что надѣяться? Отчаяніе невольно овладѣваетъ вами, тоска сжимаетъ сердце, руки опускаются у честныхъ дѣятелей... Но нѣтъ, это не такъ, это жестокая клевета на русскій народъ. Я допускаю возможность въ народѣ такихъ типовъ, какъ Никита, выведенный въ драмѣ, и другихъ такихъ же типовъ, но чтобы весь русскій народъ состоялъ изъ однихъ такихъ негодяевъ (а драма производитъ именно такое впечатлѣніе), этого я никогда не пойму. Я вѣрю, что не умеръ еще Богъ въ сердцахъ этихъ грубыхъ людей, что живетъ еще въ

нихъ искра Божія, искра свѣта, правды, добра. Подогрѣвайте эту искру, не давайте ей потухнуть. Не убивайте вѣры, эвергїи у людей. готовыхъ бороться съ мракомъ, дикостію, властью тьмы въ народѣ и подогрѣвать тлѣющую въ немъ искру Божию, и быть можетъ современемъ эта искра вспыхнетъ и загорится яркимъ, яркимъ пламенемъ.

Священникъ Н. Липскій.

Рѣчь, надъ гробомъ архимандрита Виктора, скончавшагося 4-го августа 1887-го года. *)

Бр. возлюбл.! мы окружаемъ гробъ почившаго собрата нашего и служителя архимандрита Виктора, гробъ, подлѣ котораго всякій изъ насъ можетъ найти доброе наставленіе.

Повинуясь общему закону тлѣнія, почилъ сномъ смерти и братъ нашъ о Христѣ и служитель арх. Викторъ; земное теченіе кончилось, началось для него другое, загробное. Предстоя теперь предъ величепріянымъ Судією, онъ можетъ сказать о себѣ словами св. Апостола: я подвигомъ добрымъ подвизался, св. вѣру сохранилъ до конца моей жизни, теченіе совершилъ.

Болѣе полвѣка, цѣлыхъ 55 лѣтъ, періодъ времени равняющийся нынѣ почти полной жизни человѣка, честно и безкорыстно прослужилъ почившій на пользу вѣры, церкви и отечества. Примѣръ, весьма рѣдкій въ наше время! Большую половину своей служебной дѣятельности покойный провелъ въ уѣздномъ городкѣ, въ скромной долѣ сначала учителя, потомъ начальника низшаго заведенія: но, чтобы оцѣнить службу, чью-бы ни было, нельзя смотрѣть только на то, что служащій занимаетъ болѣе или менѣе высокое мѣсто, такое или иное положеніе общественное; нѣтъ, и каждый изъ насъ

*) Сказана законоучителемъ Новгородсѣверской гимназіи.

на всякомъ поприщѣ и скромномъ, можетъ честно отправлять дѣла своего званія, когда исполняетъ свои обязанности по совѣсти, когда желаетъ служить и служить не для своей только пользы, а для пользы общей, когда по любви къ ближнему и по сознанию необходимости служенія благу общему, не щадитъ ни своихъ силъ, ни здоровья, не жалѣетъ ни своего времени, ни труда. Служилъ ли такъ почившій собратъ нашъ? Большая часть служебной дѣятельности покойнаго, на поприщѣ воспитанія и образованія духовнаго юношества, протекла въ краю отъ насъ очень далеко, къ намъ явился онъ уже на склонѣ дней своихъ, убѣленный сѣдинами и ослабѣвшій силами, и почти заканчивая свое служебное поприще и потому мы мало знаемъ о его прежней дѣятельности. Но на основаніи тѣхъ, хотя и краткихъ, но вполне достовѣрныхъ данныхъ, которыя намъ извѣстны, съ увѣренностію можно сказать, что онъ такъ именно служилъ, служилъ вполне безкорыстно и честно, съ полнымъ усердіемъ и ревностію къ своему дѣлу. Прости мнѣ, досточтимый усопшій, что я, для собственнаго и общаго назиданія, осмѣлюсь поднять завѣсу твоей давно протекшей жизни и коснуться твоей плодотворной, полезной дѣятельности на пользу общую. Вышедши изъ бѣдной причеснической семьи и окончивъ, затѣмъ, съ отличіемъ курсъ введенія, почившій тотчасъ же посвятилъ себя, свои лучшие, молодые годы на скромное, но въ то же время весьма тяжелое и трудное дѣло учительства, и на этомъ поприщѣ воспитанія и образованія дух. юношества, онъ потрудился болше 30 лѣтъ. Сколько нужно было потратить силъ и здоровья, сколько принести энергии и труда за такой продолжительный періодъ времени? Сколько въ то же время пришлось испытать серьезныхъ неприяностей и огорченій разнаго рода! Въ теченіи столь долгаго времени, сначала въ качествѣ учителя, а потомъ начальника, много добра посѣялъ онъ въ душахъ, вѣрными ему дѣтей. Не одно поколѣніе воспиталъ онъ въ духѣ вѣры православной, въ любви къ Государю и отечеству. По крайней мѣрѣ половина сельскихъ пастырей Новгородской епархіи именно ученики его школы. Это-ли не святой подвигъ? Это ли не великая заслуга предъ Богомъ, Царемъ и отечествомъ? Цѣлыхъ 32 г., въ томъ числѣ 24 въ должности начальству-

щаго, трудился онъ въ великомъ и важномъ дѣлѣ воспитанія дух. юношества! И многолѣтніе труды почившаго были благоплодны и полезны, на это есть у насъ несомнѣнныя доказательства. Затруднительно перечестъ всѣ тѣ многочисленныя „благодарныя признательности,“ которыя выражало ему начальство, то „за его отлично-усердную ревностную службу, то за ревностное прохожденіе имъ своихъ должностей, то за отличную исправность и усердіе его къ своему дѣлу“. Все это убѣдительно говоритъ намъ съ одной стороны о его богатыхъ способностяхъ, съ другой объ особенномъ усердіи, усиленномъ трудѣ и любви его къ своему дѣлу. Видно, что вѣрою и правдою, въ теченіе столь продолжительнаго времени, проходилъ почившій нелегкое служеніе просвѣщенію юношества! Можно думать, что для сего принялъ онъ, еще будучи во цвѣтѣ лѣтъ и силъ, и многотрудный подвигъ иноческій, приваялъ для того, чтобы не стѣсняясь много заботливою жизнью семейною и житейскими помеченіями, всецѣло предать себя св. дѣлу учительства. Но съ окончаніемъ дѣятельности учебной не кончилась еще служба покойнаго. Трудное дѣло учительства и начальствованія не надорвало еще въ конецъ силъ старика-труженика, не убило его кипучей энергіи и неустанной любви къ дѣлу и труду. Дальше видимъ его, болѣе 20 лѣтъ, на службѣ едва ли не болѣе трудной, чѣмъ учебная, видимъ въ должности начальника и руководителя людей, посвятившихъ свою жизнь достиженію высшихъ цѣлей, обрѣкшихъ себя на особенные подвиги молитвы, поста и богомыслия. Но чтобы быть руководителемъ другихъ, особенно въ такомъ великомъ и важномъ дѣлѣ, какъ спасеніе души и достиженіе высшаго, возможнаго для человѣка, нравственнаго усовершенствованія, нужно самому стать выше другихъ, скажемъ больше—необходимо самому быть образцомъ и примѣромъ для руководимыхъ въ жизни, въ поведеніи, занятіяхъ, дѣлахъ, словомъ во всемъ. И усопшій, дѣйствительно, былъ такимъ образцомъ. Что это такъ, видно уже изъ того, что онъ, болѣе 20-ти лѣтъ, состоялъ настоятелемъ пяти монастырей, имѣя въ тоже время, по порученію начальства, наблюденіе, въ должности благочиннаго, надъ другими обителями въ мѣстахъ его служенія. И такъ, бр., даже изъ этого краткаго очерка жизни и дѣятельности покойнаго о. архи-

мандрита можно вывести справедливое заключеніе и не обинуясь сказать, что онъ подвизался подвигомъ добрымъ.

Что онъ былъ вѣрующая душа, въ этомъ сомнѣнія нѣтъ. Но мало еще сказать, что почившій былъ вѣрующій, онъ былъ глубоко и сердечно вѣрующимъ человекомъ. Объ этомъ прежде всего говоритъ уже одно то, что, будучи еще во цвѣтѣ силъ и здоровья, онъ, вмѣстѣ съ принятіемъ священнаго сана, обрекъ себя на трудный подвигъ монашеской жизни. Кромѣ того, его долговременная жизнь, благотворная, многосторонняя дѣятельность на пользу вѣры и церкви, наконецъ, мирная, блаженная кончина, все это ясно говоритъ намъ объ этомъ. Свое усердіе къ вѣрѣ показалъ онъ и своими обильными пожертвованіями на св. храмы и обители,— тайной его милостинѣ знаютъ, кромѣ Бога, только облагодѣтельствованные имъ бѣдныя, да близко стоявшіе къ нему люди,—а также своею щедрою жертвою на заведеніе подобное тѣмъ, въ которыхъ трудился онъ столько лѣтъ, и вблизи котораго провелъ свои послѣдніе годы. Наконецъ, онъ показалъ свою глубокую вѣру и на одрѣ болѣзни, въ послѣдніе дни и часы своей жизни, принявъ таинство св. Елеосвященія и пожелавъ за тѣмъ, въ короткое время, два раза исповѣдаться и приобщиться св. Таинъ. Рука его уже ослабѣла, но онъ еще усиливался изобразить ею на себѣ св. крестъ и тѣмъ хотѣлъ выразить свою вѣру въ Распятаго на немъ. Часто страдая старческими немощами, слабый и больной, онъ нерѣдко проводилъ цѣлыя ночи безъ сна; но что у него было въ это время на устахъ и въ сердцѣ? Постоянная молитва ко Господу Спасителю о помилованіи... А пятилѣтнее пребываніе его среди насъ, уединенная, чисто отшельническая жизнь, строгій постъ, даже во время болѣзни, и молитва—развѣ это не жизнь, полная крѣпкой вѣры и любви къ Богу, развѣ это не христіанское ожиданіе смерти и достойное приготовленіе къ ней! Старческія свои немощи и долготную болѣзнь покойный, на сколько намъ извѣстно, переносилъ безъ всякаго ропота и безъ малѣйшихъ жалобъ, возложивъ всю надежду на безконечное милосердіе Божіе. Безъ сомнѣнія, чрезъ эти страданія тѣлесныя и душевныя, перенесенныя имъ терпѣливо, онъ еще болѣе укрѣпился въ святой вѣрѣ и потому, смѣемъ думать и надѣяться,

что онъ, какъ претерпѣвшій до конца, спасенъ будетъ. Не будемъ говорить здѣсь о его кротости, дѣтскомъ незлобїи и, вообще, мягкости его характера—онѣ всѣмъ извѣстны.» Въ вѣрѣ, надеждѣ, и любви, и кротости, и чистотѣ, и въ священническомъ достоинствѣ благочестно пожилъ еси, присно-памятне Викторе. Тѣмже ты превѣчный Богъ, Емуже и работалъ еси, Самъ вчинить духъ твой, въ мѣстѣ свѣтлѣ и краснѣ, идѣже праведнїи упокоиваются, и получиши на судѣ Христовѣ оставленіе, и велию милость» (Чинъ погреб. священн.).

Но, бр. возл., кто Богу не грѣшенъ? Кто изъ насъ не имѣлъ и не имѣетъ тѣхъ или другихъ слабостей? Никто, всѣ, свидѣтельствуемъ. Слово Божіе, согрѣшиша, и самые праведники падали. И почившій какъ человекъ, не могъ быть безъ грѣха. Посему св. церковь наша заповѣдуетъ намъ молиться объ усопшемъ, чтобы Господь простилъ ему всякое согрѣшеніе, вольное и невольное и чтобы душу его упокоилъ со святыми. «Тѣмже Ты просимъ, Господи: раба Твоего и сослужителя нашего арх. Виктора, въ надѣждѣ воскресенія жизни вѣчныя усопшаго, въ нѣдрахъ Авраама, и Исаака, и Іакова упокой. Якоже на земли въ церкви служителя того поставилъ еси, тако и въ небесномъ Твоемъ жертвенницѣ покажи, Господи: понеже въ человекѣхъ духовныхъ достоинствомъ сего украсилъ еси, и во ангельскую славу неосужденнаго того прими: Самъ на земли жизнь его прославилъ еси, Самъ же и исходъ житія его, во входѣ святыхъ Твоихъ праведныхъ вчини: духъ его со всѣми отъ вѣка Тебѣ благоудившими счисли» (Молитва при погреб. свещ.). Аминь.

Некрологъ,

21 сентября сего 1887 года умеръ на 85 году жизни священникъ пансіонеръ о. Матѣей Шпаковский. Смиранный труженникъ бѣднаго прихода—Новыхъ-Млиновъ, Городницкаго

уѣзда, послѣдніе годы своей жизни, за выходомъ въ заштатъ, провель у своего зятя свящ. П. Пригоровскаго въ селѣ Носовѣѣ, тогоже уѣзда, гдѣ скончался и погребенъ 23 сентября. Онъ неокончилъ учебнаго заведенія, но трудился, даже около 8 лѣтъ самъ училъ и содержалъ въ своемъ домѣ церковно-приходскую школу. Уповаемъ, что Господь, милосердый вознаградить его въ будущей жизни по его трудамъ!

Рѣчь при погребеніи священника о. Матеея Шпаковскаго.

Блаженъ путь въ онъ-же идеши днесь, душе, яко упокоися тебѣ мѣсто упокоенія (прокимень).

Давно, отче и брате нашъ, давно желалъ ты покоя своимъ старческимъ костямъ и своей душѣ, тяготившейся жить въ слабомъ и немощномъ тѣлѣ. И вотъ, наконецъ, ты достигъ желаемаго: *все тѣлеснѣе твои нынѣ органы праздно зрятся, иже прежде мало подвижны бяху, все недействительны, мертвы, нечувственны: очи бо заидоша, связастся нозѣ, руки безмолвствуютъ, и слухъ съ ними, языкъ молчаніемъ заключися, гробу предается* (Стихира подобна 11-я мирск. погр.), и душа нынѣ же отходитъ въ блаженный путь, въ уготованное ей мѣсто упокоенія. Да, пора, пора упокоиться тебѣ, отче и брате нашъ!...

Но тотъ обыкновенно наслаждается пріятнымъ покоемъ, кто не мало потрудился.

Нечего намъ говорить о твоихъ особенныхъ трудахъ въ твоей жизни, да мы и не имѣемъ о томъ ни какихъ свѣдѣній; довольно съ насъ и того, что мы видимъ тебя въ этомъ священномъ облаченіи въ которомъ ты какъ-бы готовишься предъ стать къ своему Судіи и Господу,—довольно, повторяемъ, и этого. Ибо кто изъ насъ не знаетъ, какъ тяжело, отвѣтственно и важно то служеніе въ которомъ ты пребывалъ! Что можетъ быть тяжелѣе и томительнѣе труда молитвеннаго въ которому ты призванъ былъ по своему званію и который выполнялъ усердно, болѣе сорока лѣтъ? Какое служеніе болѣе отвѣтственно служенія священника, о которомъ Господь сказалъ: *въ стража дахъ ты дому Израилеву и аще не будещи малолати (грѣшнику) еже сохранитися нечестивому, еже обратитися ему отъ пути своего и живу быти ему, той беззаконникъ въ беззаконіи своемъ умретъ, а крове его отъ руки твоя възыцу* (Іе. 33, 8)? Какое служеніе важнѣе служенія священника, съ которымъ связано спасеніе человѣка, по слову Господа: *еллика аще разрѣшите на земль, будутъ разрѣшена на небеси* (М. 18, 18)? Да, не одинъ десятокъ тысячъ священнослуженій и другихъ молитвословій совершено тобою; не одна тысяча вѣрующихъ получила чрезъ твои священныя руки крещеніе, приобщеніе Св. Тайнъ, разрѣшеніе отъ грѣховъ, бракосочетаніе, напутствіе въ будущую жизнь и другія спасительныя таинства; не одна конечно, христіанская душа получила чрезъ тебя и спасеніе, а это не маловажно, не мало и требовало труда. Не даромъ въ старости совершенно притупилось твое зрѣніе, не даромъ и тѣло твое приняло согбенное положеніе. Да упокойте же тебя Господь въ покоищи Своемъ, а мы отъ себя, по чину церкви, возлагаемъ на главу твою сей вѣнецъ съ образомъ

Спасителя, Богоматери и Предтечи, какъ знакъ того, что ты, во имя Господа и подъ покровомъ Божіей Матери и Предтечи Его, боролся въ жизни за свое спасеніе и за спасеніе своихъ пасомыхъ, и какъ прообразъ того вѣнца, коимъ да увѣнчаетъ тебя Господь въ царствіи своемъ; вручаемъ тебѣ это святое Евангеліе и крестъ, въ знакъ того, что слово Божіе было дѣломъ твоей проповѣди и указателемъ пути въ царствіе Божіе, какъ и крестъ Христовъ, съ которымъ всякому борцу за свое спасеніе велѣлъ Господь слѣдовать за нимъ. А этотъ гробъ, какъ-бы ладья, готова сей-часъ унести тебя изъ этой юдоли плача, житейскаго моря въ тихое пристанище, *идѣже вси праведнии упоковаются*. Помолись же за насъ, брате, тамъ, въ церкви торжествующей, а мы будемъ молиться о тебѣ здѣсь, на землѣ, въ церкви подвизающейся, да упокоитъ тебя Господь въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злчкѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, идѣже нѣсть болѣзни, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная (Молитва и кондакъ). Со святыми упокой, Христе, душу усопшаго раба Твоего священноіерея Матѳея! Аминь.

Свящ. А. Пригоровскій.

Разныя извѣстія.

— По свѣдѣніямъ имѣющимся въ Святѣйшемъ Синодѣ, численность бѣлаго духовенства Россійской церкви достигаетъ слѣдующей цифры. Протоіереевъ 2,418, священниковъ 34,375, діаконовъ 6,810 и псаломщиковъ 42,372; всего 84,974 лица. Сверхъ того, было уволено по старости и болѣзни за штатъ протоіереевъ 86, священниковъ 1,433, діаконовъ 805 и псаломщиковъ 3,716, всего 6,040 лицъ. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, преимущественно окраинныхъ и Сибирскихъ, всетаки недостаетъ

лицъ съ соотвѣтствующимъ образованіемъ для занятія священническихъ вакансій. Десятки священническихъ мѣстъ, напримеръ въ Tobольской епархіи, остаются незамѣщенными. Съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, рукополагаются въ священники и неокончившіе полного курса семинарскаго ученія, но извѣстные своею безупречною нравственностію и усердною службой, или вызываются достойные кандидаты изъ другихъ епархій. Прежде недостатокъ этотъ восполнялся притокомъ образованнаго духовенства изъ внутреннихъ епархій Россіи, но, съ уменьшеніемъ духовенства тамъ, этотъ притокъ прекратился. Съ недавняго времени стали искать священства окончившіе курсъ въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, первые опыты посвященія такихъ лицъ, по офиціальному отзыву, вполне оправдались достойнымъ прохожденіемъ ими священническихъ обязанностей. Содержаніе изъ суммъ Государственнаго Казначейства получаетъ духовенство только 18,000 червоней въ Россіи, въ количествѣ 5,988,191 рубля. Пенсій священнослужителямъ и ихъ семействамъ выдано всего 354,355 рублей. Церковно-приходскія попечительства жертвуютъ на содержаніе причтовъ лишь 180,673 рубля. Само духовенство, чрезъ посредство епархіальныхъ попечительствъ, имѣетъ ближайшее попеченіе о священно и церковнослужителяхъ, увольняемыхъ заштатъ по преклонности лѣтъ или за болѣзнію, и о сиротахъ духовнаго вѣдомства; на этотъ предметъ израсходовано 1,428,140 рублей, а осталось наличными 114,804 рубля и билетами 3,858,898 рублей. Что касается монашествующихъ обоюго пола, то цифра таковыхъ опредѣляется въ 29,735 человекъ. Къ 1 января 1887 года всѣхъ монастырей въ Имперіи было 667, изъ нихъ мужскихъ 420 и женскихъ 247. Монастыри находятся почти во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ Имперіи; исключеніе составляютъ Лифляндская и Эстляндская губерніи, всѣ губерніи, кромѣ Сѣдлецкой, Привислянскаго края, вся Финляндія, въ которой монастыри Виллаевскій и Коневецкій составляетъ исключеніе, магометанскія губерніи Кавказа: Бакинская, Елизаветпольская, Карсская, область Дагестанская и губернія Эриванская, населенная преимущественно армяно-григоріанами, наконецъ монастыри отсутствуютъ на дальнемъ Востокѣ, въ областяхъ Амур-

ской и Приморской и въ степной полесѣ губернаторствъ Степнаго и Туркестанскаго.

— Изъ послѣдняго отчета общества для распространенія св. писанія въ Россіи видно, что въ двадцати-трехлѣтній періодъ дѣятельности этого общества, съ 1863 по 1886 годъ, общее число разошедшихся по Россіи книгъ св. писанія превысила 1.410,000 экземпляровъ. Въ 1863 г. распространено было всего 2,450 экз., а въ 1886 г.—90,076. Впрочемъ, распространеніе св. писанія въ населеніи не представляло изъ года въ годъ правильнаго возрастанія. Такъ, напр., въ 1872 году разошлось 84,976 экз., въ 1862—66,161, въ 1883—90,608, въ 1884—69,531. Изъ общаго количества 1.150,000 было подарено или уступлено по уменьшенной цѣнѣ около 80,000 экз. въ тюрьмы, больницы, богадѣльни, школы и бѣднымъ людямъ. Между прочимъ 12,000 экземпляровъ было продано за полцѣны солдатамъ дунайской арміи и подарено больнымъ и раненымъ въ госпиталяхъ 2,300 экз. Распространеніе св. писанія могло-бы идти гораздо успѣшнѣе, если-бы число книгоношъ было значительнѣе: ихъ теперь 7 человекъ на всю Россію. «Семь книгоношъ», конечно, немного на всю Россію; но лицъ, удовлетворяющихъ всѣмъ условіямъ хорошаго книгоноши, найти не легко».

Нивакихъ капиталовъ общество не имѣетъ и ведетъ дѣло лишь на добровольныя пожертвованія. Съ 1863 по 1887 годъ поступило: пожертвованій отъ Высочайшихъ Особъ Императорскаго Дома—15,140 руб., отъ членовъ общества и частныхъ лицъ—180,259 руб., процентовъ и случайныхъ доходовъ—2,846, прибыли отъ книжнаго оборота—46,920 а всего—245,165 р. Израсходовано-же обществомъ въ теченіи всего періода 235,026 рублей.

— Наши губернскіе статистическіе комитеты и епархіальные архіереи за послѣднее время, по предложенію Академіи Художествъ, успѣли уже выслать ей довольно значительное количество матеріаловъ весьма драгоцѣнныхъ для исторіи русскаго искусства. Отъ духовенства собиравшаго эти матеріалы доставляются иногда не только свѣдѣнія о достопримѣчательныхъ храмахъ и церковныхъ предметахъ, но и изданныя изслѣдованія, фотографіи и рисунки по этому предмету.

— 8 сентября въ Кіевѣ отпразднованъ шестидесятилѣтній юбилей служебной дѣятельности митрополита Кіевского и Галицкаго Платона. Юбиларъ получилъ до двухсотъ привѣтственныхъ телеграммъ. Великая Княгиня Александра Петровна привѣтствовала юбиларя хлѣбомъ солью на серебряномъ блюдѣ художественной работы. Отъ Кіево-Печерской Лавры поднесена юбилару дорогая панагія. Послѣ литургіи, которую совершалъ въ Софійскомъ соборѣ юбиларъ, въ сослуженіи епископовъ, его поздравили духовныя и свѣтскія лица, а также различныя депутаціи.

— Въ тотъ же день праздновался 50 лѣтній юбилей служенія преосвященнаго Павла епископа Олонецкаго. Послѣ литургіи и молебна духовенство, губернаторъ и представители всѣхъ учрежденій принесли юбилару поздравленія. Получено также много привѣтствій по телеграфу. Изъ Пскова преосвященный получилъ отъ духовенства икону Спасителя, а отъ монастырей панагію. Въ память о юбилеѣ преосвященный раздавалъ присутствовавшимъ въ соборѣ иконы и книги, а въ пользу бѣдныхъ изъ духовенства пожертвовалъ, 1,000 рублей.

— Въ будущемъ 1888 г. будетъ праздноваться торжественно въ Кіевѣ 900-лѣтній юбилей крещенія Руси при св. Князѣ Владимірѣ. Юбилей приурочивается къ 15 іюля, когда празднуется память равноапостольнаго Князя Владиміра.

Собственно въ Кіевѣ торжественному празднованію крещенія Руси въ 900 годовщину этого событія предположено по проекту посвятить три дня: 14, 15 и 16 іюля. 14 іюля посвящено будетъ воспоминанію лицъ подготовившихъ почву на Руси для насажденія вѣры Христовой. 15 іюля будетъ главнымъ образомъ посвящено празднованію памяти св. Князя Владиміра и перваго митрополита Кіевского святителя Михаила и воспоминанію событія крещенія Кіевлянъ. Обычный въ этотъ день крестный ходъ къ нижнему памятнику св. Владиміра предполагается на этотъ разъ совершить при возмозжносторжественной обстановкѣ. Наконецъ 16 іюля предназначается для торжественнаго воспоминанія всѣхъ кто своею дѣятельностью такъ или иначе содѣйствовалъ въ періодъ послѣ св. Владиміра распространенію Христіанства и истиннаго просвѣщенія на Руся.

Послѣобѣденное время во всѣ три дня посвящено будетъ на ученныя собранія, а также на чтеніе въ удобныхъ мѣстахъ общедоступныхъ по своему изложенію историческихъ сказаній о вѣрѣ нашихъ предковъ, о крещеніи Киевлянъ, о жизни св. Владиміра и т. п. Желательно также, говорится въ проектѣ, чтобы 15 іюля, въ виду ожидаемаго громаднаго наплыва народа въ Киевъ на этотъ праздникъ, при церквахъ устроены были трапезы для бесплатной раздачи нуждающимся пищи, въ воспоминаніе щедролубиваго князя Владиміра, не только кормившаго у себя во дворѣ бѣдняковъ-Киевлянъ, но даже посылавшаго пищу такимъ бѣднякамъ, которые почему-либо не могли явиться къ нему во дворъ.

Для увѣковѣченія памяти торжественнаго празднованія въ Киевѣ 900-лѣтія крещенія Руси предполагается выпустить различныя изданія по поводу этого торжества, и даже учредить въ Киевѣ доступный для всѣхъ музей древностей, въ который поступало бы все, что имѣетъ важное значеніе въ религіозномъ, историческомъ и бытовомъ отношеніи для нашего отечества современіи просвѣщенія предковъ нашихъ христіанскою вѣрою.

— Ко дню юбилея предполагается отдѣлать и освятить Владимірскій соборъ въ Киевѣ. Но къ этому времени, какъ сообщается въ «Правит. Вѣстникѣ», едва ли могутъ быть приведены къ окончанію всѣ художественныя работы въ соборѣ. Кромѣ живописи, едва ли успѣютъ изготовить также всю утварь, соотвѣтствующую столь вѣковѣчному и важному художественному памятнику. Стоимость утвари предполагается приблизительно въ 40,000 руб., а комитетъ, завѣдывающій сооруженіемъ собора, пока не имѣетъ въ своемъ распоряженіи такой суммы. Въ настоящее время, изъ Италіи идетъ въ Киевъ транспортъ блѣнраморныхъ рѣзныхъ капителей для колоннъ алтарной преграды собора. Исполненіе всѣхъ мраморныхъ работъ приняла на себя фирма «Тузини и Росси»; тонкая рѣзба производится ею въ Италіи, а въ Киевѣ идетъ только сравнительно грубая работа при которой не требуется художественной отдѣлки камня. Нѣсколько колоннъ изъ сѣраго мрамора уже отполировано во временной мастерской, въ оградѣ собора. По сообщенію «Худож. Новостей», профес-

соръ А. В. Праховъ въ настоящее время занять изготовленіемъ каменнаго пола собора. Въ самомъ соборѣ, кромѣ В. М. Васнецова, продолжающаго свои живописныя работы въ средней части храма и въ алтарѣ, А. П. Свѣдомскій уже нанесть на стѣны одного изъ придѣловъ двѣ изъ своихъ большихъ картинъ.

— «Новости» сообщаютъ, что оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода тайный совѣтникъ К. П. Побѣдоносцевъ вошелъ недавно съ представленіемъ въ государственный совѣтъ, въ которомъ ходатайствуетъ о значительномъ увеличеніи отпускавшихся до сихъ поръ кредитовъ на устройство православныхъ церквей въ губерніяхъ Западнаго края, а равно и на устройство причтовыхъ помѣщеній въ тѣхъ-же губерніяхъ. Одновременно съ этимъ оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, ходатайствуетъ о замѣнѣ существующей въ губерніяхъ Западнаго края частной причтовой повинности общею по губерніи земскою повинностью.

— Пенсіи, назначаемыя Св. Синодомъ священнослужителямъ и ихъ семействамъ, на основаніи дѣйствующихъ по духовному вѣдомству постановленій, рѣшено принять на счетъ общаго пенсіоннаго кредита департамента государственнаго казначейства.

— Положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія утверждено впредь на три года, съ измѣненіемъ и дополненіемъ нѣкоторыхъ его статей, а также продленъ еще на одинъ годъ срокъ дѣйствія положенія объ усиленной охранѣ въ слѣдующихъ мѣстностяхъ имперіи: въ губерніяхъ: С.-Петербургской, Московской, Харьковской, Полтавской, Черниговской, Кіевской, Волынской, Подольской, Херсонской и Бессарабской, въ уѣздахъ: Симферопольскомъ, Евпаторійскомъ, Ялтинскомъ, Феодосійскомъ и Перекопскомъ—Таврической губерніи и городахъ: Саратовѣ съ уѣздомъ, Ростовѣ на Дону и Таганрогѣ, а также Одескомъ, Керчь-Еникальскомъ и Севастопольскомъ градоначальствахъ, въ Николаевскомъ военномъ губернаторствѣ и въ мѣстностяхъ, подвѣдомственныхъ кронштадтскому военному губернатору.

— Въ „Кіевск. Епарх. Вѣд.“ въ разрѣшеніи вопроса о томъ, кому принадлежитъ сѣно, растущее на церковныхъ

кладбищахъ, напечатано слѣдующее распоряженіе епархіальнаго начальства: Въ виду того, что въ многихъ приходяхъ возникаютъ между причтами и прихожанами пререканія о томъ, кому принадлежитъ сѣно, произрастающее на кладбищѣ, священнику или обществу, объявить чрезъ Епархіальныя Вѣдомости во всеобщее свѣдѣніе, что какъ церковное кладбище есть принадлежность церкви и не составляетъ собственности ни причта, ни общества, то и сѣно его должно чрезъ продажу обращаться или въ пользу церкви, или на улучшение самаго кладбища и никакимъ образомъ не должно быть мѣстомъ пастбища ни для чьего скота.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Мастерская живописныхъ и иконостасныхъ работъ Петра Евдокимовича Маликова.

Принимаетъ заказы живописи Иконъ, копіи картинъ и портретовъ, роспись Церквей, а также устройство Иконостасовъ и кіотовъ новыхъ и передѣлку старыхъ. Имѣются готовыя иконы съ рамами.

Работы исполняются самымъ аккуратнымъ образомъ, въ виду чего обезпечиваю заказчиковъ залогомъ.

Адресъ. Кіевъ Подоль, Лукіяновская улица, бывшая Рѣзницкая, № 12 домъ Медвѣдева близъ житнаго базара. 6—2

Редакторъ, Протоіерей Н. Марковъ.

Печ. дозв.: Цензоръ, Каѳедраальный Протоіерей *Григорій Діаконовъ*. 16 октября 1887 года. Черниговъ. Типографія Губернскаго Правленія.